

История Кавказской войны

(главы из пособия к лекционному курсу¹).

ЛЕКЦИЯ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ. ПРОБЛЕМАТИКА. ИСТОЧНИКИ.

1. Изучение Кавказской войны в отечественной историографии развивалось при сильнейшем влиянии идеологической составляющей, что оказало определяющее воздействие на характер исследований, на выбор сюжетов, на трактовку источников, на построение концептуальных работ.

Дореволюционная русская историография Кавказской войны имела определенное внутреннее единство, которое обеспечивалось той идеологической основой, что не без оснований называют «имперской традицией». В основе этой традиции лежит утверждение о том, что Россию на Кавказ привела геополитическая необходимость, и повышенное внимание к цивилизаторской миссии империи в этом регионе. Завоевание Кавказа характеризовалось как борьба европейского культурного начала с азиатским варварством. Одно из характерных проявлений такого подхода — отрицание горской культуры как таковой, муссирование «дикости» местных племен, уклонение от изучения войны как цивилизационного конфликта. Одним из наиболее ярких представителей этого направления был Р.А. Фадеев, издавший в 1860 году в Тифлисе публицистическую монографию «Шестьдесят лет Кавказской войны». К этой же когорте историков можно причислить Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто, А.К. Зиссермана.

На формирование отечественной историографии Кавказской войны 1930—1970-х гг. большое влияние оказали высказывания о ней революционных демократов, для которых завоевание Кавказа являлось не столько научной, сколько политико-идеологической и нравственной проблемой. Роль и авторитет Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена в русском общественном движении не позволяли игнорировать их позицию.

Политически ангажированными были и статьи К. Маркса и Ф. Энгельса, полностью соответствовавшие европейскому общественному мнению, которое в своей значительной части традиционно резко критически относилось к внешней и внутренней политике Российской империи. В событиях на Кавказе «классики марксизма», бывшие непререкаемым авторитетом для советских историков, видели особый фронт борьбы против жандарма Европы — царской России, героический пример национально-освободительного движения, достойный всеобщего подражания. Несмотря на то что сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса о Кавказской войне представляли собой не научные труды, а политические памфлеты, советские историки по идеологическим соображениям были вынуждены с ними считаться.

Утверждение классово-партийного подхода к изучению истории для Кавказской войны обернулось в 1930—1970-е годы тасованием «антиколониального» и «антифеодального» акцентов, что в свою очередь толкало на поиск классовых конфликтов и искусственный «подъем» уровня развития социального устройства горцев до феодального. При этом старались не замечать следующего противоречия: в ходе войны в ряде регионов действительно имело место разрушение феодальных структур и торжество военной демократии. С точки зрения классового подхода все здесь выглядело вполне логично и закономерно: такого рода факты расценивались как выступление угнетенных слоев населения против эксплуатирующей верхушки. Но, в то же время, с позиций формационного учения (первобытнообщинный строй сменялся рабовладельческим, феодальным, капиталистическим, за которым следовал желанный социализм), антифеодальное выступление могло расцениваться и как регресс. Эта коллизия повлекла за собой оживленные споры и бурные обсуждения в официальной советской исторической науке.

Заметное влияние на историографию Кавказской войны оказал воинствующий атеизм 1920—1930-х годов: историкам приходилось искать вариант оценки освободительного движения горцев под руководством Шамиля, в котором «антифеодальная» и «антиколониальная» составляющие затушевывали «реакционно-религиозную». Итогом стал тезис о реакционной сущности мюридизма, смягченный указанием на его роль в мобилизации народных масс на борьбу с угнетателями.

Весьма сложным оказался и процесс «включения» Шамиля и сопротивления горцев в общую картину освободительного движения в России. В 1930-е годы имам Шамиль — борец против колониальной политики царизма — был включен в список народных героев освободительного движения наряду с С. Разиным, Е. Пугачевым, С. Юлаевым. После Великой

¹ В.В. Лапин. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003. — 82 с.

Отечественной войны такой статус Шамиля выглядел странно на фоне депортации чеченцев, ингушей и карачаевцев, и его постепенно низвели до исторических деятелей «второго разряда».

Когда же в начале 1950-х годов по страницам научной литературы началось торжественное шествие тезиса о «прогрессивном значении» присоединения национальных окраин, Шамиля перевели в разряд врагов и своего, и русского народов. Обстановка холодной войны способствовала превращению имама в религиозного изувера, британского, иранского и турецкого наемника. Дело дошло до появления тезиса об агентурном характере Кавказской войны (по словам некоторых авторов, она началась из-за происков «агентов» мирового и, в первую очередь, английского империализма, а также под воздействием сторонников пантюркизма и панисламизма).

В 1956-1957 гг. состоялось несколько научных дискуссий о природе Кавказской войны. Довольно четко выделились две группы историков. В первую вошли те, кто выступал с апологетикой Шамиля, считал его деятельность прогрессивной, а саму войну антиколониальной, составной частью борьбы с самодержавием. Вторую группу образовали ученые, называвшие движение Шамиля реакционным явлением. Сами дискуссии оказались малопродуктивными, характерными для эпохи «хрущевской оттепели», когда уже можно было ставить вопросы, но еще нельзя было предлагать ответы. Известный компромисс был достигнут на основе ленинского тезиса о «двух Россиях» — одной, представленной царизмом и угнетателями всех видов, и другой, с лицом передовых, прогрессивных деятелей науки, культуры и освободительного движения. Первая была источником угнетения и порабощения нерусских народов, вторая несла им просвещение, экономический и культурный подъем.

Одной из ярких иллюстраций существовавшего в советский период положения в области изучения Кавказской войны является судьба монографии Н.И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля». Эта книга, написанная на высочайшем профессиональном уровне и не утратившая своего значения до сих пор, пролежала последовательно в трех издательствах с 1934 по 1950 год, а вышла в свет только в 2000 году. Публикация казалась сотрудникам издательств делом опасным — идеологические установки резко менялись, и участие в издании, содержащем «ошибочные взгляды», могло закончиться трагически. Несмотря на реальную опасность репрессий и необходимость выполнять работу в соответствующем методическом и идеологическом русле, автор сумел продемонстрировать сложность такого исторического феномена, как Кавказская война. Отправной точкой он считал походы конца XVI — начала XVII вв. и, признавая большое значение военно-стратегического фактора в развитии событий, осторожно говорил об экономической составляющей российской экспансии. Н.И. Покровский не избегал упоминаний о набегах горцев, о жестокости, проявляемой обеими сторонами, и даже решился показать, что ряд выступлений горцев нельзя однозначно определять как антиколониальные или антифеодальные. Крайне сложной задачей являлся анализ борьбы между сторонниками шариата — свода мусульманского права — и адатов — кодексов местного обычного права, поскольку сугубо научный текст мог быть истолкован как пропаганда религиозных предрассудков или пережитков.

В целом схема Н.И. Покровского такова: российские власти не только сами эксплуатировали горцев, но и способствовали увеличению гнета со стороны местных феодалов, что вызвало крестьянское восстание 1840-1843 гг. Поскольку это восстание оформлялось религиозными лозунгами (чистота мусульманства и борьба с неверными), среди повстанцев были не только угнетенные, но и феодальная знать, а также зажиточная аульская верхушка. Эта верхушка стремилась заменить беков и ханов в роли эксплуататоров, но вынуждена была скрывать свои желания за разного рода «ширмами» и выполнять хотя бы отчасти волю крестьянства. Затем «...паразитическая верхушка аула, пытавшаяся использовать крестьянское восстание, предала его».

Отсюда двойственность во всей политике имамата и перерождение его в 1850-х гг.»

До начала 1980-х годов изучение Кавказской войны находилось в состоянии глубокого кризиса, основным проявлением которого был догматический подход к интерпретации исторических источников. Процесс вхождения Кавказа в состав Российской империи оказался одним из наименее изученных исторических феноменов. Сказались прежде всего идеологические ограничения, а зарубежные исследователи, как уже говорилось, не имели достаточного доступа к необходимым источникам.

Кавказская война оказалась настолько сложной и неподатливой для официальной историографии, что за полвека исследований не появилось даже фактологической истории этой эпопеи, где в хронологической упорядоченности были бы представлены наиболее важные военные события, наиболее влиятельные фигуры и т. д.

В середине 1980-х годов освобождение историков от идеологических ограничений

казалось бы создало условия для серьезного, взвешенного, академического подхода к проблеме. Однако из-за обострения обстановки на Северном Кавказе и в Закавказье история включения этих регионов в состав Российской империи приняла болезненно актуальный характер. Поверхностное истолкование тезиса о значимости исторических уроков трансформируется в попытки использовать результаты исследований в политической борьбе. При этом стороны идут на откровенно тенденциозную трактовку свидетельств и на произвольную подборку последних. Допускаются некорректные трансплантации идеологических) религиозных и политических конструкций из прошлого в настоящее и наоборот. Например, и с формационной точки зрения, и с позиций европоцентризма кавказские народы находились на более низкой ступени общественного развития, и это было важным обоснованием для их покорения в XIX столетии. Однако в современной литературе встречаются абсурдные обвинения историков в «оправдании колониализма», если они соответствующим образом объясняли действия царского правительства. Наметилась опасная тенденция замалчивать трагические эпизоды и разного рода «щекотливые» темы. Одна из таких тем — набеговая составляющая жизни многих этносов, населявших Кавказ, другая — жестокость обеих сторон при ведении войны.

В целом, наблюдается опасный рост «национально окрашенных» подходов к изучению истории Кавказской войны, возрождение ненаучных методов, перевод научной полемики в морально-этическое русло с последующим неконструктивным «поиском виноватого».

История Кавказской войны была сильно деформирована в советский период, поскольку изучение этого феномена в рамках формационного учения было малопродуктивным. Если оставить без внимания откровенно конъюнктурные сочинения, то круг исследований по этой проблеме, вышедших в последнее время, тоже окажется совсем невелик. Его составляют монографии Н.И. Покровского, М.М. Блиева,

В. В. Дегоева) Н.С. Киняпиной, Я.А. Гордина. Кроме того, в настоящее время по этой тематике успешно работает целая группа молодых ученых) о чем свидетельствуют материалы конференций, круглых столов и т. д.

В 1983 году М.М. Блиев опубликовал в журнале «История СССР» статью, которая явилась первой попыткой вырваться за рамки «антиколониально-антифеодальной концепции». Она вышла в свет в той ситуации, когда идеологические ограничения были еще незыблемы, а деликатность темы предполагала максимальную осторожность в формулировках и подчеркнутую корректность в отношении тех, чью точку зрения автор оспаривал. Прежде всего, М.М. Блиев выразил свое несогласие с господствовавшим в отечественной исторической литературе тезисом о том, что Кавказская война носила национально-освободительный, антиколониальный характер. Он акцентировал внимание на мощной военной экспансии горцев Северного Кавказа по отношению к своим соседям, на том, что захват пленников и добычи, вымогание дани стали обычным явлением в отношениях горных племен и жителей равнин. М.М. Блиев выразил сомнение по поводу обоснованности традиционных хронологических рамок войны, выдвинув тезис о пересечении двух экспансионистских линий — имперской Российской и набеговой горской.

Статья В.В. Дегоева «Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги:», опубликованная во 2-м выпуске «Сборника Русского исторического общества» за 2000 год, стала своеобразным подведением итогов изучения Кавказской войны к началу XXI столетия. Автор четко определил главный изъян большинства предшествующих исследований по истории Кавказа XIX века: «теоретические схемы к моральные оценки преобладали над системой доказательств». Значительная часть статьи — демонстрация того, как отечественные историки, находившиеся в тисках официальной методологии, испытывавшие постоянный страх, что при очередном изменении «курса» они окажутся под прицелом оголтелой и вовсе не научной критики, влекущей за собой и трагические для них последствия, пытались сконструировать нечто приемлемое с точки зрения «единственно верного учения» и с точки зрения профессионализма. Очень продуктивным выглядит тезис об отказе от признания антиколониального и антифеодального элемента в Кавказской войне доминирующим. Важными и весьма продуктивными выглядят тезисы В.В. Дегоева о влиянии геополитических и природно-климатических факторов на развитие событий. Уделом всех горских племен была постоянная война друг с другом) поскольку географические условия, особенности развития этносов (крайняя дробность языков, значительные различия в типах хозяйствования и т. д.) препятствовали их объединению в мощное протогосударство. С востока и запада они были отрезаны от остального мира морем, на юге и на севере находились враждебные экосистемы (степь и засушливое нагорье), а также мощные государства (Россия, Турция, Персия), превратившие Кавказ в зону своего соперничества.

В 2001 году вышел в свет сборник статей В.В. Дегоева «Большая игра на Кавказе:

история и современность», в трех разделах которого («История», «Историография», «Историко-политическая публицистика») представлены результаты многолетних научных исследований и размышлений этого ученого. Статья «Пасынки славы: человек с ружьем в буднях Кавказской войны» посвящена повседневности многолетнего противостояния горцев и русской армии. Особую ценность этой работе придает то, что это — едва ли не первая в отечественной историографии попытка проанализировать быт войны «колониального» типа. Популярный стиль изложения материала не лишил научной значимости и другую книгу В.В. Дегоева «Имам Шамиль: пророк, властитель, воин».

Заметным явлением в историографии Кавказской войны последних лет стал выход в свет книги Я.А. Гордина «Кавказ, Земля и кровь», в которой показано, как на практике реализовался некий имперский комплекс идей, как эти имперские идеи трансформировались в соответствии с обстановкой и внешними «вызовами».

2. Завоевание Россией Кавказа не стало заметным явлением и в зарубежной историографии.

В 1998 году на русском языке была опубликована монография израильского историка Моше Гаммера «Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана». Эта работа — пример того, как идеологические установки оказывали воздействие на творчество не только советских ученых. Негативно-пренебрежительный тон в описаниях действий Кавказского корпуса, общий антироссийский настрой, избыточная публицистичность вплотную подводят работу М. Гаммера к той грани, за которой уже нет никакой науки. Яркие примеры неразумных действий некоторых военачальников он считает достаточным основанием для общего вывода о том, что русские войска не могли в течение нескольких десятилетий преодолеть сопротивление горцев из-за глупости генералов. О «внутрикавказских» причинах конфликта ничего не говорится, о грабительских набегах — одна фраза, причем жертвами разбоев указаны только армяне и горские евреи — таты. Книга имеет довольно шаткую источниковую базу: автор, писавший ее в 1980-е годы, по понятным причинам не имел доступа к советским архивам. Сомнительными и недостаточно аргументированными выглядят и некоторые важнейшие тезисы автора. Так, по мнению Гаммера, причиной затягивания конфликта было то, что царское правительство своей непримиримостью загоняло Шамиля в угол, не оставляя места для компромисса. Главными причинами войны называются общие колонизационные тенденции в политике Петербурга и стремление империи к захвату земель.

Специальной работы зарубежных авторов о русской армии в Кавказской войне нет, но в ряде трудов американские и европейские специалисты касаются отдельных аспектов этой проблемы. Так, Томас Барретт в своей книге «На окраине империи. Терские казаки и Северо-Кавказский фронт. 1700—1860.» рассматривает процесс вживания терцев в жизнь региона в контексте истории американского фронта и подобных социокультурных процессов вообще, что позволяет ему сделать ряд ценных наблюдений. При этом Барретт четко выделяет особенности Кавказской линии, ряд ее принципиальных отличий от зоны контактов европейских переселенцев и индейских племен в Северной Америке (Barrett M. Thomas. At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. Westview Press, 1999).

3. Деформации в разработке истории включения Кавказа и Закавказья в состав Российской империи под воздействием идеологического пресса стали причиной того, что едва ли не все вопросы, связанные с этим процессом, являются на сегодняшний день дискуссионными.

Основной спорный пункт для серьезных исследователей можно обозначить следующим образом: что лежит в основе такого масштабного конфликта — продвижение России на Кавказ или реалии самого этого региона (военная активность горцев)?

Другие вопросы также имеют важное значение не только для истории данного региона, но и для истории формирования Российской империи (для понимания социальных, экономических и политических процессов) протекавших в стране. Почему наиболее ожесточенное сопротивление правительственным войскам встретили в горных районах с наиболее низким уровнем развития производительных сил? Почему военная машина самодержавия, в течение полутора веков не дававшая серьезных сбоев в Европе, с большим трудом обеспечила контроль над сравнительно небольшой территорией Чечни и Дагестана? Чем объясняется «пульсирующий» ритм военных действий (чередование восстаний и временных «умиротворений»)? Каковы были механизмы возникновения и погашения конфликтов? К какому типу вооруженных столкновений можно отнести Кавказскую войну? Какие она имеет отличительные и какие общие черты по сравнению с другими войнами, в которых участвовали

противники, имевшие разные культурные типы предшествовавшего развития?

4. Ограничение Кавказской войны традиционными хронологическими границами (1817—1864) — продукт развития отечественной историографии, посвященной присоединению Кавказа и Закавказья к России, находившейся в рамках формационного учения и «антифеодально-антиколониальной» парадигмы, результат стремления поместить исторические реалии в границы концепции добровольного вхождения народов в состав России.

Как это ни покажется странным, но едва ли не центральной проблемой изучения Кавказской войны является определение того, что следует включать в рамки этого исторического феномена в хронологическом и событийном отношениях.

Дело в том, что традиционные временные рамки Кавказской войны (1817-1864 гг.) и столь же традиционная идентификация этого конфликта с боевыми действиями в Адыгее) Чечне и Дагестане выглядят очень уязвимыми, поскольку не дают внятного ответа на целый ряд вопросов:

1. Если покорение Северного Кавказа началось с основания крепостей на территории Чечни и Дагестана, то чем считать боевые действия в Кабарде, Осетии, на Кубани и Тереке, в Чечне, на Лезгинской линии в ХУШ-начале XIX вв.?

2. Почему, при традиционной оценке этой войны — как антиколониальной и антифеодальной, в нее не вошел Персидский поход Петра Великого 1722-1723 гг.) направленный как раз на завоевание «богатых земель»?

3. Почему профессиональные историки согласились признать 1864 год финальным в этой эпопее, если до начала 1880-х годов требовалась 200-тысячная группировка русских войск для поддержания спокойствия в крае, а в 1877 году вспыхнуло восстание, немногим уступавшее по своему масштабу аналогичным событиям эпохи Шамиля?

4. Почему при явной взаимосвязанности процессов присоединения Закавказья и Северного Кавказа в историографии наблюдается столь же явное стремление изучать эти процессы по отдельности?

В дореволюционной историографии существовала устойчивая традиция рассматривать боевые действия на Северном Кавказе как нечто единое, вместе с войнами против Турции и Персии. Энциклопедии XIX—начала XX вв. использовали выражение «Кавказские войны» для обозначения всего процесса присоединения к России территории от Кубани и Терека до нынешних турецких и иранских рубежей. При этом особо выделялась «Кавказско-горская война», но и она представляла собой более широкое понятие, нежели покорение Чечни, Дагестана и Адыгеи.

В советской исторической науке сначала сохранялась приверженность широкой трактовке понятия «Кавказские войны» от второй половины XVI до середины XIX вв. «Большая Советская энциклопедия» только добавила в 1953 году обязательное для эпохи холодной войны указание на провокационную роль Турции, Персии и Англии. В «Советской исторической энциклопедии» Кавказскими войнами названы боевые действия XVIII—XIX вв., «...связанные с завоеванием Кавказа русским царизмом», а также «...подавление царизмом ряда антифеодальных движений кавказских народов, вооруженное вмешательство России в феодальные междоусобицы на Кавказе, войны России с претендовавшими на Кавказ Ираном и Турцией». При этом была особо выделена «собственно Кавказская война» 1817—1864 гг. Наконец, в 1973 году, уже после официального провозглашения Л.И. Брежневым «новой исторической общности — советского народа», «Большая Советская энциклопедия» ограничила Кавказскую войну (а не Кавказские войны, как это называлось ранее) 1817—1864 годами, а географически — Чечней, Горным Дагестаном и северозападным Кавказом.

Такое смещение акцентов можно объяснить увеличением значимости тезиса о добровольном вхождении народов в состав Российской империи. Несложный хронологический трюк давал возможность отделить кровавое и трудное завоевание Чечни, Северного Дагестана и Адыгеи от сравнительно малокровного присоединения других территорий. В результате, история Абхазии, Кабарды и Осетии «отделялась» от истории других районов Северного Кавказа.

Традиционная хронология Кавказской войны позволяет называть ее национально-освободительной, поскольку вторжения русских войск на территорию Чечни и Дагестана, устройство там опорных пунктов имперской власти безусловно затмевают набеговую составляющую конфликта, которая была самой главной в ХУШ—начале XIX столетия. Кроме того, сильный акцент на «антифеодальный», «освободительный» характер Кавказской войны обеспечивал ее полную хронологическую совместимость с «общим» направлением и

периодизацией борьбы населения многонациональной России против крепостнической эксплуатации.

5. Расширение хронологических рамок Кавказской войны позволяет избавиться от негативного методологического наследия, отказаться от мало перспективных попыток искать внутреннее единство в типологически разных исторических явлениях и, как следствие, — выявить природу этого исторического феномена, в конечном счете — дать ему некую «обобщающую» характеристику.

Непредвзятый анализ хроники боевых действий в этом регионе позволяет считать началом завоевания Кавказа Персидский поход Петра Великого в 1722-1723 гг., а ее окончанием — подавление восстания в Чечне и Дагестане в 1877 году. Более ранние военные предприятия России ХУ1-начала ХVIII вв. можно отнести к предыстории событий.

Своеобразным символом единства процесса присоединения Кавказа является список сюжетов, заказанных Военным министерством известному художнику-баталисту **Ф.А. Рубо** для «Храма славы» в Тифлисе. 17 полотен должны были изображать важнейшие с официальной точки зрения события: «Вступление императора Петра Великого в Тарки 13 июня 1722 года»; «Вступление русских войск в Тифлис 26 ноября 1799 года»; «Штурм Ленкорани генералом Котляревским 31 декабря 1812 года»; «Сражение под Елисаветполем 13 сентября 1826 года»; «Сдача крепости Эривани 1 октября 1827 года»; «Штурм аула Гимры 17 октября 1832 года»; «Взятие Ахульго 22 августа 1839 года»; «Штурм черкесами Михайловского укрепления 22 марта 1840 года»; «Штурм крепости Салты 14 сентября 1847 года»; «Смерть Слепцова 10 декабря 1851 года»; «Взятие аула Дарго 6 июля 1845 года»; «Сражение при Курюк-Дара 24 июля 1854 года»; «Переход князя Аргутин-ского через снежные горы Кавказа»; «Взятие Гуниба и плен Шамиля 25 августа 1859 года»; «Штурм Карса в ночь на 6 ноября 1877 года».

6. Кавказская война — собирательное понятие. Этот вооруженный конфликт лишен внутреннего единства, и для продуктивного его изучения целесообразно разделение Кавказской войны на ряд достаточно обособленных частей, выделенных из общего потока событий по принципу важнейшей составляющей данного конкретного эпизода (группы эпизодов) военных действий.

Сопrotивление вольных обществ, военная активность местной элиты и деятельность имама Шамиля в Дагестане — это три разные «войны».

Вооруженное противостояние любым попыткам иноземцев покуситься на свободу нельзя уравнивать со «священной войной» против неверных. Другими словами, дать однозначное определение Кавказской войне невозможно потому, что этот исторический феномен лишен внутреннего единства и приобрел современные очертания исключительно благодаря территориальной локализации. Процесс вхождения Кавказа в состав России настолько сложен, что поклонники любой теории могут найти в нем богатый материал для своих построений. Это в полной мере проявилось в историографии 1930-1950-х гг., при лавировании между смертельно опасными ярлыками «буржуазно-националистического» и «великодержавно-шовинистического» подходов.

7. Одна из важнейших проблем истории присоединения Кавказа к России — характер действия вооруженных сил империи в процессе установления власти «метрополии» на национальных окраинах. Поведение европейской армии в неевропейской войне — важный аспект изучения формирования многонационального государства. В свою очередь, решение этих задач сдерживается слабым развитием отечественной военно-исторической антропологии.

Историческая литература не дает внятного ответа на вопрос: почему армия России, одерживая решительные победы над турецкими и персидскими войсками, в течение нескольких десятилетий ценой огромных усилий и потерь добивалась покорности от племен Северного Кавказа? Одной из причин отсутствия такого ответа является то, что слабо исследована военная субкультура, нет работ, в которых вооруженные силы изучались бы с позиций исторической антропологии. Нет исследований с междисциплинарным подходом; внимание политологов, военных социологов и психологов уделено в основном армиям и войнам XX столетия,

При всей обширности отечественной военной историографии описание событий крайне

редко выходит за рамки военно-полевой парадигмы. Мы имеем в виду более широкий взгляд на войну, нежели тот, где все сводится к политическим и дипломатическим интригам, маршам и сражениям, военным подвигам и изменениям в линии границ.

8. Практически все стороны истории присоединения Кавказа к России хорошо обеспечены историческими источниками разных типов, позволяющих проводить необходимый анализ содержащихся в них сведений.

Первостепенное значение для истории Кавказской войны имеют материалы, хранящиеся в Российском Государственном Военно-историческом архиве (РГВИА). Это документы высших и центральных Учреждений военного ведомства (Военно-ученый комитет, Инспекторский департамент, Канцелярия начальника Главного штаба Е.И.В., лавное управление казачьих войск); бумаги местных органов управления войсками (Штаб командующего войсками Терской области,

Управление Центром Кавказской линии, Кавказское линейное казачье войско, Штаб командующего войсками на Лезгинской кордонной линии, Главный штаб Кавказского корпуса и армии). Особую группу составляют документы Военно-ученого архива и коллекции «Кавказские войны». В РГВИА хранятся также личные фонды военачальников, оставивших заметный след в истории Кавказской войны (П.Х. Граббе, А.П. Ермолова, Ф.К. Клюки фон Клюгенау, Н.Н. Муравьева-Карского, И.Ф. Паскевича, Н.Н. Раевского и др.).

В фондах Российского Государственного архива Военно-морского флота (РГАВМФ) содержится ценная информация об организации крейсерства у берегов Адыгеи и Абхазии, о десантных операциях, снабжении фортов Черноморской береговой линии, обустройстве морских баз на побережье Кавказа — в Новороссийске, Геленджике, Сухуми, Поти, Батуми.

Разного рода донесения о ходе боевых действий регулярно публиковались на страницах газеты «Кавказ», с последующей перепечаткой в официозе Военного министерства — газете «Русский инвалид». Эти материалы проходили цензурирование наследником в. к. Александром Николаевичем и самим императором. Какой-либо установившейся закономерности в «графике» участия этих лиц в чтении депеш установить не удалось. Практически во все публикации царь и цесаревич вносили исправления) причем в некоторых случаях они объясняли на полях причину своего вмешательства. Из текстов изымались сведения, которые составляли военную тайну. К таковым относились разного рода предположения о будущих операциях, сведения о родах и племенах, готовых перейти на российскую сторону, данные о месте расположения войск и начальствующих лиц. Державный карандаш убирал из текста известия о стихийных бедствиях сообщение о том, что после боя на Лезгинской линии тушины-милиционеры отрезали у павших горцев кисти рук «...и представили ближайшему начальству», что милиция грабила «мирные» аулы, что горцы в нескольких стычках «...имели некоторый успех», что среди добычи в одном из селений оказалось много хороших бурок. В статье о Шамиле аккуратно были вычеркнуты слова «деспот» и «деспотичный». В целом император удалял из публикаций «ненужные частности», придавая им характер строгого военного рапорта.

Данные официальных документов всех типов — от рапортов командиров отдельных частей до отчетов военачальников высших уровней — должны восприниматься с должной долей критичности по целому ряду причин. Во-первых, к событиям на Кавказе в полной мере относится крылатая фраза о том, что первой жертвой на каждой войне является правда. Во-вторых, даже при стремлении как можно правдивее описать происходящее автор реляции не в состоянии это сделать из-за сложности самой батальной картины. В отличие от «европейских» войн, где эпизоды сражения наблюдались и оценивались с разных позиций и разными людьми, в Кавказской войне очень часто никто не мог предложить альтернативный вариант описания, поскольку командир экспедиционного отряда оказывался единственным автором единственного официального документа. Рапорт — сочинение особого жанра, имеющего свои законы, приемы отражения и искажения действительности, свой язык и внутреннюю структуру. Даже беглое сопоставление официальных докладов о боях с воспоминаниями и дневниками участников этих сражений показывает, что генеральское перо далеко не безгрешно. Многие рапорты содержат противоречия) видимые невооруженному взгляду. Например, сообщения о полной победе и паническом бегстве разгромленного неприятеля совмещаются с упоминанием о том) что горцам удалось не только вынести всех своих убитых и раненых, но еще и благополучно угнать скот, за которым они) собственно, и пришли за Кубань. Скорость передвижения овец и коров никак не соответствует представлениям о поспешном отступлении. Судя по донесениям русских генералов, многотысячные конные отряды противника едва ли мгновенно появлялись и исчезали, быстро перемещались на значительные расстояния, что вряд ли было доступно горцам даже при их удивительной подвижности, поскольку передвижение больших людских масс в горах сопряжено с известными трудностями для всех) включая местных жителей, привычных к

таким условиям.

Характерным искажением является завышение численности противника и его потерь. По рапортам за некоторые годы складывается впечатление о существовании средней пропорции — на одного павшего русского солдата приходится около сорока убитых горцев.

Ценным источником сведений о событиях на Кавказе и важным средством для критического анализа документов официального происхождения являются мемуары участников войны. Высокий интерес к этой странице отечественной истории вплоть до начала Первой мировой войны способствовал тому, что было написано более 500 воспоминаний разного объема — от коротких заметок в несколько страниц до сочинений, вышедших отдельными книгами. Большая часть этих воспоминаний опубликована в альманахе «Кавказский вестник», в журналах «Военный сборник», «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник» и др.

Широкий круг авторов позволяет взглянуть на события глазами крупного военачальника, наделенного огромной властью и отягченного столь же огромной ответственностью, командира отдельного экспедиционного отряда, действовавшего на свой страх и риск, столичного гвардейца, залетевшего в Чечню за чинами и крестами, штабиста-интеллектуала (например, будущего военного министра Д.А. Милютина), простого офицера, «тянувшего лямку» на Кавказе, и даже нижнего чина, чудом уцелевшего в бою, бежавшего из плена и после отставки осевшего на этой завоеванной окраине империи.

О том, как воспринимались события на Кавказе в высших эшелонах российской власти, говорится в записках столичных чиновников «министерского ранга». Перечислим лишь некоторых из них: «О способах лучше привлекать к себе горцев» Н.С. Мордвинова; «О методах покорения горцев Северного Кавказа» И.Ф. Паскевича; «О завершении Кавказской войны форсированным способом» Д.А. Милютина.

В 1876 году по инициативе наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича началось издание специального альманаха «Кавказский сборник», большую часть страниц которого занимают воспоминания участников войны. Всего до 1911 года вышел 31 том. Кроме того, во второй половине XIX века были изданы многотомные собрания историко-этнографических материалов — «Сборник сведений о кавказских горцах» и «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». В 1866 году вышел в свет первый из 12-ти томов публикации документов, собранных Кавказской Археографической комиссией под руководством А.Д. Берже. В послереволюционный период также издавались ценные собрания документов — «Движение горцев северо-восточного Кавказа» и др.

Из 27 пехотных и кавалерийских полков, составлявших в 1859 году Отдельный Кавказский корпус, 13 имеют опубликованные полковые истории, которые содержат развернутые описания событий, относящихся ко времени «умиротворения» этого края. Эти издания сближают с документальными публикациями то обстоятельство, что все они написаны на основании материалов, большая часть которых не сохранилась (бумаги полковых канцелярий, специально собранные воспоминания ветеранов и другие «исторические предания»).

Важным источником по истории Кавказской войны являются произведения художественной литературы: А.А. Бестужев-Марлинский — «Мулла-Нур», «Аммалат-бек», «Письма из Дагестана»; М.Ю. Лермонтов — «Герой нашего времени», «Валерик»; Л.Н. Толстой — «Казак», «Хаджи-Мурат», «Рубка леса. (Рассказ юнкера)». Эти литераторы — участники боев и походов, оставили потомкам множество ценных сведений как о событиях, свидетелями которых они являлись, так и об отношении русского общества к этой войне. Позиции тогдашних «властителей дум» в кавказском вопросе раскрывают работы А.И. Герцена, Т.Г. Шевченко, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова.

До настоящего времени отечественной историографией недостаточно востребован ценный комплекс источников изобразительного характера. Особое место здесь занимает графика Г.Г. Гагарина, П.Н. Грузинского, Ф.Ф. Горшфельда, К.Н. Филиппова, Н.А. Зауервейда, Л.Ф. Лагорио и других художников, бывавших на Кавказе и даже участвовавших в боевых операциях. Их рисунки и гравюры частично опубликованы в «Художественном листке» в 1851—1865 гг., частично сохранились в различных архивных и художественных коллекциях. Полотна **Ф.А. Рубо**, И.К. Айвазовского, А.П. Боголюбова, Н.С. Самокиша,

Н. Сверчкова и другие мастеров отечественной батальной живописи создавались на основе зарисовок мест событий, по рассказам живых свидетелей. Разумеется, работы художников лишь в незначительной степени могут претендовать на «документальность», но они представляют собой ценный материал, отразивший информацию о том, как события на Кавказе воспринимались российским обществом, как развивался процесс формирования национальной

памяти об этой эпопее. К этому разряду источников относятся и мемориальные сооружения, воздвигнутые на Кавказе в честь побед русского оружия.

9. Главной особенностью корпуса источников о Кавказской войне является то, что их подавляющая часть освещает события с российской стороны.

Объясняется это тем, что едва ли не все народы, оказывавшие сопротивление России) не имели своей письменности, а немногие документы, написанные на арабском языке, практически вышли из-под пера ученых мулл. Это были безусловно осведомленные люди) но сам жанр их сочинений — религиозное писание — придавало им сходство со средневековыми хрониками: тот же религиозный дух, то же некритическое отношение к источникам информации, то же переплетение реальных и «чудес», та же риторика. Кроме того, ряд этих сочинений, сохранившихся только в печатном виде, прошли жесткую цензуру русских издателей. Большое влияние на содержание этих источников оказало и то обстоятельство, что их авторы были скованы конкретными сложившимися на тот или иной момент политическими условиями. Так, например, Мугеддин-Магомед-Ханов, написавший «Истинные и ложные последователи тариката», получил предложение написать, его при выпуске из-под ареста. Гаджи-Али в своем «Сказании очевидца о Шамиле» допускает явно вынужденный пассаж «Горцы дики, как сама природа, окружающая их, и хищны, как звери... Теперь же корень войны, беспорядков и смут пресечен могуществом русских». Редактированию, объем и содержание которого в полной мере установить затруднительно, был подвергнут и сборник документов, известный как «Низам Шамиля».

Эта односторонность источниковой базы создает значительные трудности для реконструкции картины событий двухвековой давности. Так, например, невозможно точно определить этническую принадлежность участников тех или иных событий в связи с разноречием в терминологии. Этнические аварцы фигурируют в официальных документах как тавлинцы (так их называли дагестанские соседи), то как лезгины (так их именовали в Грузии), то по названиям территорий, аулов или племенных союзов (хунзахцы).

ЛЕКЦИЯ 5. КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ.

1. В ходе Кавказской войны Российская армия претерпела значительные изменения практически во всех сферах военного дела — от стратегии и тактики до обмундирования и традиций. \ Эти изменения были продиктованы реалиями боевых действий в данном регионе.

Главной целью российского правительства официально объявлялось «умиротворение» горцев, выражавшееся прежде всего в отказе их от набегов. Но армия, являясь инструментом насилия, в принципе не могла решать такие задачи — ее делом было уничтожение и разрушение. В Европе к тому времени выработались некоторые общепринятые формы «силового общения», оказавшиеся совершенно непригодными в местных условиях Кавказа.

Стратегия как таковая предполагает наличие важных политических или экономических пунктов, оккупация которых настолько разрушает соответственно политическую и экономическую организацию противника) что продолжение борьбы становится невозможным. Захват или даже реальная угроза таким пунктам и обуславливали цели масштабных операций, определявших исход войны. Русские войска в XVIII—первой половине XIX вв. совершили десятки таких походов, не приносящих никаких плодов. До середины XIX века в Петербурге, где принимались решения о планах и стратегиях кампаний, упорно не замечали особенностей этого театра военных действий. «Чехарда» военачальников всех рангов была одним из проявлений этого упорства: тасованием генеральской колоды пытались найти выигрышную комбинацию.

Другая причина неэффективности крупных экспедиций имела технологический характер: ограниченные ресурсы края требовали формирования больших обозов, которые в условиях гор лишали и без того громоздкие отряды подвижности — важнейшего компонента маневренной войны.

На первых этапах войны торжествовала кордонная стратегия. Это объясняется давней традицией устройства оборонительных линий и, главное, отсутствием притязаний империи на территориальные приобретения. В целом Россию вполне устраивала граница по Тереку и Кубани, а после присоединения Восточной Грузии — спокойствие на ее восточных и северных рубежах. Но кордонная система была скорее наблюдательная, нежели оборонительная. Она оказывалась уместной только в том случае, когда порубежная территория либо находилась под

устойчивым политическим контролем (власти соседей не позволяют своим подданным «шалить» на границе), либо «шалуны» не представляют серьезной опасности, как это было например, на границе с Казахстаном. На Кавказе русские войска имели дело с воинственными и многочисленными племенами) для которых набег был важным элементом повседневной жизни. Кордонная линия не могла стать для них преградой.

Оборонительная стратегия могла стать решением проблемы при условии принятия русской стороной местных «правил игры» — «вечная война», без эскалации, с сезонными затишьями и редкими вспышками, в основном из-за «внешних» причин. Но это было невозможно: во-первых, в Петербурге не могли согласиться на вечное существование потенциального союзника Турции, во-вторых, состояние перманентной войны противоречило политической культуре России того времени, правительство не собиралось терпеть «беспорядки» на границе.

Очевидный провал «кордона» и «стратегического наступления» породили некий гибрид, оформившийся в создании сети укреплений, которые и формировали «пространство войны». Порочность этой смешанной системы заключалась в том, что она унаследовала родовые недостатки систем предыдущих. Мелкие форты не позволяли контролировать территорию за пределами прямого выстрела, не могли стать опорой для отрядов, совершающих рейды.

Логика войны толкала русское командование к использованию местных методов — набегов карательных и превентивных. В первом случае это было наказание за вторжение на российскую территорию, во втором — подрыв благосостояния горских обществ и, как следствие, — ослабление их боеспособности. Для армии же легализация набегов означала разрыв с европейскими представлениями о правилах и нормах войны. Согласно главе 7-й («О разбое, грабеже и насилии») «Полевого уголовного уложения для Большой Действующей Армии», смертная казнь ждала военнослужащих, виновных в «грабеже лиц, домов, селений и вообще собственности» (§ 61). Так же сурово каралось «зажигательство домов, истребление лесов и жатв и убийство жителей» (§ 62). Если все вышесказанное совершала целая часть, расстрелу подлежал ее командир (§ 63, 73). Офицер, уличенный в мародерстве, лишался чинов и изгонялся из армии (§ 72). При строгом следовании законам весь Отдельный Кавказский корпус должны были расстрелять по приговору полевого суда, поскольку в его составе не было ни одного человека, непричастного к подобным деяниям.

Если в первые годы XIX столетия командование испытывало по меньшей мере душевный дискомфорт от признания разрушительных набегов нормой, — известны даже случаи привлечения к суду командиров, проявивших «неоправданную» жестокость, то позднее разгромы непокорных аулов стали обычным делом, а добыча указывалась в победных реляциях. Таким образом, неэффективность европейской стратегии сыграла важную роль в формировании особого типа кавказского солдата.

Согласно §39 и 40 статьи 5-й того же «Полевого уголовного положения...», смертью наказывалось «...явное неповиновение или бунт жителей мест и областей, армией занимаемых, истребление ее продовольствия и всякое злонамеренное препятствие ее движению и успехам», а также «...склонение к бунту и неповиновению жителей земель, армией занимаемых, хотя бы и не произвело возмущения». При строгом следовании этим пунктам расстрелу подлежало едва ли не- все население Северного Кавказа. Абсурдными в условиях Кавказской войны выглядели и некоторые статьи 2-й главы уже упоминавшегося дисциплинарного положения, приравнивавшие к измене «...переход без письменного дозволения за цепь или за линию, за которой можно иметь сообщение с неприятелем», или «выход из осажденной или обложенной крепости без дозволения коменданта».

Таким образом, стратегия и тактика русских войск на Кавказе вступала в непримиримые противоречия с правовыми нормами и положениями устава, что в свою очередь сыграло важную роль в формировании типа «кавказца» и определило те глубокие внутренние преобразования, происходившие в войсках в ходе колониальной войны. Свое право отступать от европейских норм войны русские военачальники обосновывали тем, что противник сам ведет себя не по-европейски.

Была опробована на Кавказе и стратегия «экономической блокады», непокорные аулы лишались возможности использовать удобные в хозяйственном отношении земли в долинах и предгорьях. Кроме того, всеми способами пресекалась торговля. Этот метод также не принес ожидаемых результатов. Натуральное хозяйство горцев от торговых санкций практически не пострадало, зато ряды противников России пополнились жителями тех аулов, которые издавна специализировались на ремеслах и в «разбойниках» не числились. Установить некий «железный занавес» русское командование было не в силах, а там, где местность и высокая концентрация

войск позволяли отсечь горы от равнины, срабатывал нехитрый, но действенный механизм сотрудничества «мирных» с «немирными». Жители мятежных аулов пасли свой скот и возделывали поля под охраной русских солдат, у которых не было никакой возможности выявить принадлежность скота и самого горца. Мирные горцы в обмен на сотрудничество получали право пасти свой скот летом на высокогорных лугах и свою долю добычи после успешных набегов своих немирных соплеменников. Разумеется) в таких условиях задушить горцев голодом было практически невозможно. Кроме того, полоса мирных аулов, разделявшая две враждующие стороны, исключала проведение внезапных операций: о каждом подозрительном движении войск «немирные» получали своевременное уведомление.

Периодически неэффективность насильственных действий порождала в головах «власть предержащих» идею мирного Урегулирования, которое предусматривало целый комплекс мер: переговоры, организацию торговли, просвещение и распространение христианства.

Процесс «мирного покорения» Кавказа шел очень медленно) постоянно прерывался вспышками насилия, которые сильно компрометировали «человеколюбивые» методы в глазах военных. Эти методы не давали немедленных результатов, а каждый главнокомандующий, считавший себя способнее и удачливее предыдущего, «по определению» должен был представить на высочайшее имя рапорт о скорых и явных успехах, а не о планах) реализация которых требовала десятилетий. В начале 1830-х годов на Кавказе было немало начальствующих лиц, которые видели бесперспективность карательных экспедиций и военно-экономической блокады. Генерал Н.П. Панкратьев, командовавший русскими войсками на Восточном Кавказе, обращался к горцам с прокламациями, в которых обещал неприкосновенность религиозного и жизненного уклада, полную амнистию всем, кто заявит о своей покорности. Однако проведенные ранее репрессии уже сформировали в дагестанцах представления об агрессивности русских и о необходимости вести с ними бескомпромиссную борьбу, и большого значения эти прокламации не имели.

После того как вышеуказанные методы были признаны неэффективными, решили вернуться к стратегии, опробованной еще в 1810-х гг. А.П. Ермоловым: постепенное сжимание непокорных областей цепью укреплений, образующих не отдельные изолированные островки российского влияния, а составляющих некий прочный каркас постоянно и эффективно действующей системы силовой поддержки правительственной власти. Важными составными частями этой стратегии являлись рубка леса и строительство дорог, делавших любой пункт досягаемым для пехотных частей, а также переселение горцев на равнину, где их способность к сопротивлению резко снижалась.

2. Особый характер военных действий на Кавказе вносил существенные коррективы в сложившиеся представления о тактических построениях, о поведении в бою командиров и подчиненных, о дисциплине, о соблюдении уставных требований, о снабжении, — фактически обо всем, что составляло тогда военный быт.

Основными тактическими единицами на Кавказе стали отряды различной численности, составленные, как правило, из трех родов войск — пехоты, конницы и артиллерии. Широкое применение отрядной системы, не предусмотренной в российских боевых уставах, влекло за собой следующие последствия: во-первых, в «правильной» войне пехотные офицеры в чине ниже полковника только в исключительных случаях получали под свое начало артиллерийские, саперные и кавалерийские части, приобретали навыки руководства «чужими» родами войск.

В условиях маневренной войны, где фланги и тыл были понятиями весьма относительными, обстановка требовала активных наступательных действий, так как отступление, в европейских условиях бывшее путем к спасению) на Кавказе являлось почти верной дорогой к гибели, так как именно отступающие части подвергались горцами самому тяжелому испытанию. Отважные, отчаянные и подчас безрассудные атаки кавказских войск являлись в действительности следствием опыта, ясно показывавшего, что спасение — только в разгроме противника.

В «правильной» войне обоз находился в относительной безопасности и подвергался нападению противника только в случае разгрома и беспорядочного отступления всей армии. На Кавказе именно обоз был самой лакомой целью для партизан. Удачная атака позволяла им пополнить свои запасы и лишить противника средств для наступления. Обоз здесь был самым опасным и ответственным местом службы. В Европе «авангард» ассоциировался с отвагой и боевым порывом. На Кавказе же самым трудным было прикрытие тыла, и в арьергард посылали самых опытных и самых храбрых командиров и солдат.

В ходе войны войска постепенно избавлялись от «уставной» униформы, непригодной в

местных условиях. Чудовищное изобретение парадоманов, кивера, было заменено фуражками и барашковыми шапками) сапоги — горскими кожаными лаптями, ранцы — холщовыми мешками, на шинели и мундиры нашивались газыри (кармашки для патронов). Так же игнорировали уставные требования к обмундированию и офицеры. Как писал историк Тенгинского пехотного полка Д.В. Ракович: «...Всякого свежего человека, первый раз встречавшего кавказские войска, поражало это полное отсутствие воинского вида, и именно в то время, когда высшие сферы признавали форму за сущность и малейшее отступление от образцов готовы были считать палением доблести... В общем неказисты были с внешней стороны кавказцы, не любили они также парадов, смотры их были обыкновенно неудачны, но это не мешало им оказывать чудеса храбрости и выносливости».

Обычаи европейской войны запрещали добивать раненых уже в XVIII веке, что освобождало командование от забот о них — всех неспособных следовать за своей частью сдавали на попечение местных жителей. На Кавказе раненые нуждались в постоянной защите, так как обе стороны добивали тех, кто не мог двигаться самостоятельно, поскольку таковые сковывали действия отрядов. Принципиально иным было и отношение к пленным. Если они не мешали передвижению, то их берегли для выгодного размена, если мешали — их убивали без всякой жалости.

Горцы, захваченные во время карательных экспедиций, находились на положении военнопленных, в то время как плененные на «русской» территории проходили по уголовным статьям за грабеж. Их ждал суд, арестантские роты, ссылка в Сибирь или во внутренние губернии. Того, кто принял участие в набеге после дачи присяги о покорности, могли расстрелять как изменника.

Война и мародерство неразделимы. На Кавказе распространенность санкционированных и несанкционированных реквизиций объясняется целым рядом обстоятельств. Интендантство в принципе было не способно обеспечить войска всем необходимым даже в мирное время, а на войне тыловики часто вообще забывали о своих подопечных. Русская армия в XVIII-XIX вв. выживала в основном за счет самообеспечения (питание с хозяйского стола в период постоа, «экономия» провианта и фуража за счет того же постоа, развитое полковое хозяйство, солдатская кооперация — артель). В условиях Кавказа эти механизмы в большинстве случаев оказались неработающими: разместить солдат в саклях горцев никому и в голову не приходило, об «экономии» фуража никто и не вспоминал, вести полковое хозяйство и поддерживать артель за счет «вольных» заработков в условиях перманентной войны и враждебного окружения было крайне трудно. Естественным результатом стал интерес солдат к чужому имуществу. И солдаты, и командиры видели, что многотрудное выращивание того же скота может быть успешно заменено одним удачным набегом, а в тех случаях, когда полковой скот оказывался предметом чужого покушения, часто просто оказывались вынужденными сделать ответный ход. Стимулировало бесцеремонное отношение к чужому добру и практика разорения непокорных аулов. Заразительным был также пример и казаков, и местной милиции.

3. Специфические условия Кавказской войны вели к формированию особого типа солдата и офицера.

Необходимость вести полковое хозяйство, приспособляясь при этом к местным условиям, была еще одним толчком к культурному сближению русских военных и местных жителей. Огромную роль играло осознание постоянства своего статуса (солдат служил фактически пожизненно), и то, что этой войне нет конца, что она становится его жизнью. Полки, подолгу служившие на Кавказе — Эриванский, Тифлисский, Апшеронский, Тенгинский, Навагинский, Куринский, Кабардинский пехотные, Нижегородский драгунский и другие, принципиальным образом отличались от остальной армии внешним видом, боевыми навыками, представлениями о правилах войны и менталитетом. В старых «кавказских полках» формировались особые охотничьи команды, игравшие роль отрядов «специального назначения». Как писал мемуарист, «...они носили азиатский костюм, имели бороды и бритые головы и донельзя переняли и усвоили себе все приемы и привычки горцев...».

Части, прибывшие из России и не адаптировавшиеся к местным условиям, обыкновенно несли неоправданные потери. Так, один из батальонов 5-го пехотного корпуса, переброшенного из России в 1845 году, был спасен от истребления опытными солдатами Кабардинского полка, которые сумели осадить конницу Хаджи-Мурата, принявшуюся рубить «новичков», захваченных врасплох в походе. Это неумение «российских войск» постоять за себя, придти на помощь, организовать надежное охранение, совершить форсированный марш в горах, обустроить, наконец, бивак в особых кавказских условиях вызвали понятное раздражение у ветеранов-кавказцев, которым часто приходилось служить за двоих, так как командование,

опасаясь неудачи, старалось решить проблемы силами «проверенных» подразделений.

Новички также испытывали сильнейший шок от того, что их военные навыки (в основном, плац-парадного характера) совершенно не ценились на новом месте службы, а доведенное до совершенства уставное обмундирование (святая святых!!!) является предметом насмешек со стороны местных военных щеголей, демонстрирующих причудливую комбинацию армейского мундира и черкесского национального костюма. Командиры вновь прибывших частей нередко по своей инициативе предпринимали шаги, которые ветеранам казались ненужным риском, неоправданной потерей людей и т. д. Этим объясняется взаимная неприязнь так называемых «российских» и «кавказских» войск.

Уровень принятия самостоятельных решений на Кавказе снижался с командира полка (обычная планка в «европейском» бою) до командира роты или даже взвода. Ober-офицеры здесь не просто контролировали выполнение приказов вышестоящего начальства, а распоряжались жизнями своих подчиненных. Отсутствие привычных схем субординации, проблематичность управления войсками значительно повышали роль начальников отдельных частей, которые должны были «сообразить» общий стратегический план командования и реальную боевую обстановку.

Крепости на Кавказе сначала также строились по шаблону, установленному для европейской войны с массированным применением артиллерии, и только после нескольких жестоких уроков стали приспосабливаться к местным условиям (укрытие от огня снайперов, предупреждение внезапных нападений).

Жесткая муштра солдат, без упоминания о которой не обходится ни одно сочинение по военной истории XVIII—XIX вв., обычно определяемая как безумие, вовсе таковой не была. Доведение боевых навыков до автоматизма — важнейшая часть воспитания солдата. Перестроения были важнейшим элементом военной технологии, поэтому им придавалось такое большое значение. В Кавказской войне требовался принципиально иной автоматизм, малоприспособленный в европейской войне, как та понималась русскими генералами. Не надо говорить о том, что плац-парадный автоматизм был совершенно ни к чему на Кавказе.

Общий ритм боевых действий на Кавказе имел важное принципиальное отличие от «правильной» европейской войны. Здесь сравнительно редкими были крупные сражения, требовавшие от их участников мобилизации всех физических и моральных сил. На Кавказе войска находились в почти постоянном напряжении) в вечной тревоге, создававшей особую психологическую атмосферу. Почти каждый четвертый военнотружущий был убит или ранен во время бесчисленных стычек, которые указываются в реляциях даже без общего их количества и указания точного места события. Особенно впечатляет то обстоятельство, что именно в этих стычках в руки горцев попадало наибольшее количество пленных. В некоторые годы этот показатель составлял 100 %.

4. Войска на Кавказе были вынуждены приспособляться к местным условиям, нарушая в большом и малом различные уставные требования. Изменения в обмундировании, тактике, правилах ведения полкового хозяйства законодательно закреплялись после их многолетнего практического применения.

На Кавказе власти столкнулись с уникальным явлением — «приватизацией» войны, которая для солдат и офицеров стала не просто выполнением присяги, а личным делом, которое они выполняли не за страх, а за совесть. Солдат на Кавказе вел «свою» войну, поэтому его не сдерживали уставы, муштра и присмотр офицеров. Самостоятельность солдата подразумевала его свободу в принятии любых решений, в том числе и дисциплинарного характера. Месть за павших товарищей становится основной мотивацией, появляется понятие «старых счетов» с отдельными племенами и родами, действительные военные заслуги служат мерилом положения той или иной части в военном сообществе. Элементы кавказской народной военной культуры приживались в регулярных русских войсках. Сама бесконечность войны, смысл которой никто не мог уловить, сыграла важную роль в превращении полков в своеобразные военные «племена», для которых боевая обстановка становилась образом жизни.

Об удивительных метаморфозах в сознании кавказских войск ярко свидетельствуют слова К.К. Бенкендорфа — племянника знаменитого шефа жандармов и главного начальника III Отделения: «Тот, кто никогда не едал баранты (скота, захваченного во время набега — В.Л.), не поймет всего того счастья, которое испытываешь, когда закладываешь за обе щеки чужое добро, и не поймет также, до чего это мясо вкусно и насколько питательно и вообще — лучше продаваемого мясником, и только потому) что за него ничего не заплачено. На Кавказе (разбойничество) что называется, носится в воздухе, им упиваются и существует особая любовь

жить воровством. Может ли быть иначе и для солдата, когда только единственно одна баранта и вносит разнообразие в монотонную выдачу одних только гнилых сухарей от интендантского чиновника'...»

В воспоминаниях этого же мемуариста упоминается о том, что во время одной массовой драки русских с чеченцами солдаты-куринцы бились на одной стороне с горцами против соотечественников-апшеронцев. «Как нам не защищать чеченцев, — говорили куринские солдаты, — они наши братья, вот уж двадцать лет, как мы с ними деремся!»

По «родоплеменному» типу складывались и отношения между солдатами и офицерами. Если «свой» офицер мог рассчитывать на все, чем располагал солдат — от жизни до последнего сухаря) то «чужие» оказывались таковыми в полном смысле этого слова: «Князь Гагарин, решившись с вечера ночевать как спартанец, через несколько часов потерял всякую решимость и вздумал оттягать у каких-то солдат клочок подстилки, но получил отказ наотрез. Напрасно, чувствуя себя дурно, он называл чин и фамилию, — солдаты были неумолимы и, закутавшись в шинели, сердито ворчали». Военный, не служивший на Кавказе, никогда бы не поверил этим словам мемуариста. Если же командир в своих действиях слишком далеко выходил за рамки дозволенного неписаными правилами этой войны, он рисковал получить пулю в спину в первой же перестрелке.

Приватизация войны была причиной того, что солдаты и офицеры сами принимали решения о прекращении и возобновлении боевых действий, о необходимости «наказания» того или иного аула, о заключении негласного «сепаратного» мира и т. д. Этому способствовала зыбкость границы между «мирными» и «немирными» горцами, постоянная изменчивость оперативной обстановки. Продажа боеприпасов противнику была осуждаемым, но нередким явлением. Иногда гарнизоны фортгов устанавливали «молчаливое» перемирие — в обмен на возможность пасти скот и заготавливать дрова они не препятствовали горцам вести хозяйственные дела буквально под пушками укрепления. Масса непонятных постороннему человеку вещей происходила и в сфере обмена пленными. Имеются достаточно надежные сведения о том, что иногда это превращалось в весьма выгодный бизнес, в котором свой интерес имели обе стороны. В 1851 году один из генералов обратился к главнокомандующему Кавказским корпусом за разъяснениями: незадолго до царского запрещения выкупать пленных за счет казны (Николай I сделал это, зная о злоупотреблениях) он получил от горцев нескольких нижних чинов и, за неимением в тот момент звонкой монеты, выдал черкесам вексель. Это свидетельствует об «особых» отношениях между противниками.

Метаморфозы солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса объясняются не только длительностью их пребывания в особой военной обстановке, но и спецификой призывного контингента дореформенной российской армии. Несмотря на существование сложной системы «очередности» самые большие шансы попасть в армию при очередном рекрутском наборе имели лица с девиантным поведением (пьяницы, хулиганы, «говорун» и т. д.), а также преступники, способные служить. Армия рассматривалась как часть пенитенциарной системы, и только во второй половине XIX века военное руководство стало протестовать против совмещения наказания за уголовное преступление с призывом на защиту Бога, царя и отечества.

Кавказ стал местом ссылки не только офицеров, но и нижних чинов, уже подвергавшихся судебному разбирательству. Нередко «штрафованные» составляли большую часть пополнения. Таким образом, старые кавказские полки собирали под своими знаменами большое число людей, склонных к нетрафаретным поступкам.

На Кавказе русская армия сражалась не с регулярными армиями, носителями уже достаточно интернационализированной и европеизированной военной культуры, а с вооруженными народами. Эффективный и адекватный ответ в виде приспособления к местным условиям войны неминусом должен был привести к тому, что сами регулярные войска стали постепенно принимать вид особого племени, и это не осталось незамеченным многими современниками.

Использование при комплектовании армии рядовым составом в основном славянского контингента на основе рекрутской повинности было причиной того, что горцами армия империи расценивалась как русская со всеми вытекающими отсюда последствиями для межнациональных отношений. Весьма непростой была и ситуация в связи с большим числом офицеров из грузин и армян: этот неоспоримый признак особого доверия правительства к христианам Закавказья противоречил уверениям властей о равноправии всех подданных императора.

Особенностью войны на Кавказе было наличие в рядах противников большого числа беглых солдат — русских, татар и поляков. Многие нижние чины оказывались в чужом стане по

одной и той же роковой схеме, повторявшейся с незначительными вариациями: проступок — побег из части, чтобы избежать наказания, — плен — роль проводника (под угрозой расправы). После участия в набеге пути назад уже не было, и до активного участия в походах оставался один шаг. Для некоторых солдат предательство оказывалось единственной альтернативой невыносимого рабства или казни.

Целые слободы беглых русских солдат (300-400 человек) были в аулах Ведено и Дарго. Их главным занятием была «строительная часть», а также изготовление и ремонт артиллерийских лафетов и ящиков. Они же составляли расчеты орудий, а также личную охрану Шамиля. Имеются сведения о том, что имам использовал русских дезертиров и для несения полицейских обязанностей в Дагестане. Уничтожение в одном из сражений половины этого «русского» легиона воспринималось командованием императорской армии как большая удача.

Активное участие русских дезертиров в боях на стороне горцев во многом объясняется особым характером этого специфического военного конфликта. Сравнительно несложно было бежать из своей части — трудно было убежать от войны. Попавшись в руки к горцам (а иного варианта быть не могло), бедолага оказывался не в тылу, а снова на войне, в которой участвовало все местное население. Важной причиной была уже упоминавшаяся приватизация войны, позволявшая отдельным личностям выбирать свой особый путь. Солдаты настолько втягивались в сам процесс вооруженной борьбы, что его результат и цели отходили на второй план, если вообще сохраняли какое-то значение. Создавалась уникальная ситуация, в которой человеку в принципе было все равно, на чьей стороне воевать. Для ценящих волю только при условии ее беспределности, живущих под девизом «судьба — индейка, а жизнь — копейка», уход к горцам был вполне логичным действием. Если обаянию горской воли поддавались европеизированные офицеры, то почему какую-то особую стойкость должны были проявлять солдаты? Поэтому участников Кавказской войны не шокировало то, что абреки-горцы легко находили общий язык с русскими дезертирами и вместе с ними формировали шайки настоящих головорезов.

Наконец) не могло не иметь последствий восприятие элементов туземной военной культуры. Солдат одевался как горец, воевал как горец, и, подобно изгнанникам или беглецам из аулов, искал приюта на стороне, в том числе и у бывших врагов, принимая их покровительство и обращая свое оружие против бывших товарищей.

Что касается дезертиров-поляков, то они ставили идею возрождения Польши выше присяги царю и воевали на Кавказе, поскольку литовские и польские леса были не самым подходящим местом для партизан. Одна окраина империи, таким образом, давала возможности для представителей другой окраины бороться за свободу последней на территории первой.

5. Использование опыта Кавказской войны в высших эшелонах военной власти было очень ограничено.

Подавляющее большинство гвардейцев и офицеров Генерального штаба, приезжавших на Кавказ по своей воле, были искателями чинов, наград и приключений. Ухватив чин и боевой орден, приобретая шарм «горного орла», такой офицер, даже действительно храбрый и полезный в боях) оказывался опять в «правильном» военном мире с его строгим соблюдением формы, уставов, где часовой должен бояться самого незначительного нарушения установленных правил, а не черкесской пули. Любые их попытки перенести кавказский опыт на всю армию повлекли бы за собой подозрение в тихом помешательстве. К тому же они попадали в особую среду, где тон задавали «паркетные генералы», где их навыки «неправильной» войны не могли найти применения. Настоящим боевым офицерам путь в гвардию был затруднен недостатком денежных средств и связей в свете, а в Академию Генерального штаба его преграждали сложные вступительные испытания. Путь же в ряды военной элиты шел либо через гвардейский полк, либо через Академию.

6. Победа в Кавказской войне во многом была обеспечена изменениями, которые стали ответом российских войск на военные, культурные и природно-климатические реалии этого региона.

Совмещение преимуществ регулярной армии с боевыми достоинствами партизанских действий, приспособление тактики и снаряжения к местным условиям, усвоение войсками Отдельного Кавказского корпуса не только боевых приемов горцев, но и элементов туземной военной культуры, — все это способствовало завершению войны: возрастала эффективность действий армии, произошло «сближение» знаковых систем обеих сторон, которые стали лучше понимать друг друга.